

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ

и проблемы
российской
провинциальной
культуры
и историографии

НАУКА

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ
и проблемы
российской
провинциальной
культуры
и историографии

Материалы научной конференции
Пенза, 25–26 июня 2001 года

В двух книгах

Ответственный редактор С.О. ШМИДТ

МОСКВА НАУКА 2005

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ
и проблемы
российской
провинциальной
культуры
и историографии

Материалы научной конференции
Пенза, 25–26 июня 2001 года

Книга I

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К52

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-01-00328д*

Редакционная коллегия:

М.П. МОХНАЧЕВА (зам. ответственного редактора),
А.В. ТОПЫЧКАНОВ (ответственный секретарь),
А.В. ТЮСТИН, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ,
С.О. ШМИДТ (ответственный редактор)

Рецензент

доктор исторических наук Э.Г. ИСТОМИНА

**В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры
и историографии** : материалы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.) :
в 2 кн. / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 2005. – ISBN 5-02-010341-1.
Кн. I. – 2005. – 467 с. – ISBN 5-02-010342-X (в пер.).

В сборнике представлены статьи ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы и других научных центров России, Украины и Германии, посвященные наследию В.О. Ключевского, а также историографии, общим проблемам истории провинциальной культуры и вопросам истории Пензенского края.

Для историков, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей и культурой России.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-010341-1

ISBN 5-02-010342-X (кн. I)

© Археографическая комиссия РАН, 2005
© Коллектив авторов, 2005
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2005

<i>Н.А. Попов</i> (Астрахань). Историко-психологические подходы в исторической портретистике В.О. Ключевского	326
<i>Е.А. Ростовцев</i> (Санкт-Петербург). В.О. Ключевский и историки "петербургской школы" (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков)	340
<i>Я.Г. Солодкин</i> (Нижевартовск). "История" Авраамия Палицына и ее автор в оценках В.О. Ключевского	371
<i>В.В. Ставицкий</i> (Пенза). В.О. Ключевский о роли географического фактора в истории России и проблема разграничения археологических культур	377
<i>О.А. Сухова</i> (Пенза). "Новая социальная история" и творчество В.О. Ключевского: К вопросу о научном первенстве в сфере методологии истории	381
<i>В.А. Толстов</i> (Рязань). В.О. Ключевский и Рязанская ученая архивная комиссия	388
<i>П.А. Трибунский</i> (Рязань). "Школа Ключевского" в оценке П.Н. Милюкова	399
<i>А.В. Тюстин</i> (Пенза). Семинарские наставники В.О. Ключевского (Я.П. Бурлуцкий и С.В. Масловский)	404
<i>В.И. Ульяновский</i> (Киев, Украина). В.О. Ключевский и В.С. Иконников: К истории одного научного спора	414
<i>С.Ю. Шокарев</i> . Воспоминания С.Б. Веселовского о В.О. Ключевском и Д.Я. Самоквасове	441
Список сокращений	446
Сведения об авторах	449
Указатель имен	452

- ³³ Там же. С. 15.
³⁴ Там же. С. 15, 16.
³⁵ Там же. С. 17.
³⁶ Там же. С. 21.
³⁷ *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси // *Он же.* Исторические портреты. М., 1990. С. 87–88.
³⁸ Там же. С. 79.
³⁹ *Шмидт С.О.* Ключевский и культура России // *Ключевский: Сборник материалов.* Пенза, 1995. Вып. 1. С. 332–333.
⁴⁰ *Ключевский В.О.* Соч. Т. 9. С. 71.
⁴¹ Там же. С. 76.
⁴² Там же. С. 87.
⁴³ Там же. С. 97–98.
⁴⁴ Там же. С. 98.

Е.А. Ростовцев

**В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ И ИСТОРИКИ
“ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ” (С.Ф. ПЛАТОНОВ,
А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ, А.Е. ПРЕСНЯКОВ)***

Проблема “петербургской исторической школы”, равно как и проблема взаимоотношений крупнейших представителей петербургской исторической науки с В.О. Ключевским – общепризнанным лидером “московской школы” уже давно поднималась в литературе. Ценные наблюдения о характере взаимоотношений петербургских историков с В.О. Ключевским принадлежат А.Н. Цамутали¹ (который, кстати, первым начал исследование этой темы); в этом отношении заслуживают внимания также труды С.В. Чиркова², В.П. Корзун³, С.О. Шмидта⁴, В.С. Брачева⁵ и других авторов. Свой вклад в публикацию источников (переписки, прежде всего), посвященных этой проблематике, внесли М.В. Нечкина⁶, М.А. Айвазян⁷, В.А. Колобков⁸ и другие исследователи. Однако, на наш взгляд, далеко не все аспекты темы остались проясненными. Так, в литературе пока не рассмотрен вопрос об отношении историко-теоретических взглядов историков “петербургской школы” как членов ученой корпорации со свои-

* Автор выражает искреннюю признательность за ценные советы и помощь в подготовке настоящей статьи В.М. Панеяху, С.Н. Погодину, П.А. Трибунскому, А.Н. Цамутали, а также участникам семинара “Теория и практика исторического исследования” Исторического общества при Европейском университете в Петербурге, где предварительно обсуждался этот текст.

ми методологическими традициями (во многом отличными от направления “московской школы”) к научно-теоретическим взглядам В.О. Ключевского. Ряд важных сюжетов, связанных с рефлексией петербургскими историками работ ученого и истории их личных отношений с В.О. Ключевским тоже пока не стал предметом историографического изучения. С нашей точки зрения, именно сравнение теоретических взглядов петербургских ученых с научными воззрениями В.О. Ключевского поможет прояснить те или иные оценки конкретно-исторических работ Ключевского, а также его схемы русской истории, которые давали представители “петербургской школы”, и по-новому рассмотреть личные и профессиональные отношения историков.

Отношение к В.О. Ключевскому старшего поколения “петербургской школы”, к которому принадлежали А.А. Куник, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.О. Васильевский, Е.Е. Замысловский и другие ученые, всегда было, по крайней мере, настороженным. Характерно, например, скептическое отношение К.Н. Бестужева-Рюмина к “Боярской думе Древней Руси”⁹ (докторской диссертации В.О. Ключевского)¹⁰. Как показал С.Н. Валк, с 40–50 годов XIX в. для петербуржцев оставались чуждыми “схемы московской школы”¹¹. “Петербургская школа” не считала русскую науку готовой к всеобъемлющему синтезу, будучи сосредоточенной на анализе исторических источников. По свидетельству П.Н. Милюкова, перелом в отношениях между школами наступил в конце 1880 – начале 1890-х годов с появлением нового поколения петербуржцев, по-новому относящегося к задачам синтеза и, в связи с этим, к “направлению В.О. Ключевского”¹².

Выбор нами С.Ф. Платонова (1860–1933), А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), А.Е. Преснякова (1870–1929) как представителей нового поколения “петербургской школы” для оценки отношения этой исследовательской корпорации к творчеству и личности В.О. Ключевского обусловлен не только их безусловной значимостью в науке рубежа веков, но и тем, что эти ученые представляли разные направления “школы”, по-разному относились и к проблемам теории и методологии истории.

Старшим среди перечисленных петербургских историков являлся С.Ф. Платонов, взгляды которого на историческую науку, по-видимому, сформировались к середине 1880-х годов, тогда же он обратился и к подробному изучению работ В.О. Ключевского¹³. С.Ф. Платонов был бесспорным лидером “Кружка русских историков”, в который входило большинство молодых историков “петербургской школы”, среди которых можно назвать имена

В.О. Дружинина, Е.Ф. Шмурло, И.А. Шляпкина, М.А. Дьяконова, Н.Д. Чечулина, С.М. Середонина и др.¹⁴ Первоначально к кружку тяготели также А.С. Лаппо-Данилевский и А.Е. Пресняков, однако оба последних историка впоследствии от “Кружка” отошли, не приняв направление его научной работы¹⁵.

Для характеристики теоретических взглядов С.Ф. Платонова, с нашей точки зрения, уместно обратиться к его работе “Обзор источников летописного типа” (1905)¹⁶ и курсу “Лекций по русской истории” (последняя редакция – 1917 г.)¹⁷, в которых ученый изложил теоретические основы “исторического ремесла”. В “Обзоре источников...” задача систематизации методов исторического исследования, выработанных петербургской научной традицией, была решена С.Ф. Платоновым прагматически, в целях создания прочной основы для исторического построения.

Так, С.Ф. Платонов намеренно упрощал понятие “исторический источник”, сводя его к “письменному остатку старины”¹⁸. Источники подразделялись им на летописные и юридические, а критика источника – на внешнюю и внутреннюю. Внешняя критика предусматривала рассмотрение внешней формы источника и отвечала на вопрос о “подделке”, понятие которой, естественным образом, противопоставлялось понятию “подлинности”. Внутренняя критика включала в себя “критику текста” и “критику факта”. Критика факта имела целью установление истинности показания источника. Эта задача решалась путем выявления “угла зрения”, с которого данный источник был создан¹⁹. Из понимания С.Ф. Платоновым задач “внешней критики” источника и “критики текста” вытекало и требование детального археографического описания источника.

Примечательно, что методика исторического источниковедения С.Ф. Платонова по ряду ключевых положений была близка к системе источниковедения В.О. Ключевского²⁰, С.Ф. Платонов фактически повторял в своей работе не только эмпирическую методику своего учителя К.Н. Бестужева-Рюмина²¹, но и положения известного курса В.О. Ключевского (составленного в конце 1880 – начале 1890-х годов) “Источники русской истории”²². Так же, как С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский в своей характеристике исторических источников, в прагматических целях, фактически уходил от анализа “вещественных” источников, ориентируясь исключительно на “письменные”, даже используя схожую терминологию: согласно В.О. Ключевскому, историческая критика включала в себя “критику текста” и “критику факта”. Критика факта, так же как у С.Ф. Платонова, имела целью установление истинности показания источника. Правда, эта задача решалась не

путем выявления, как у С.Ф. Платонова, “угла зрения”, с которого данный источник был создан, а установлением “степени уклона авторской мысли от действительности”²³.

Однако на этом сходство теоретических воззрений заканчивается – дело в том, что методологические задачи эмпирического направления “петербургской школы” не выходили за пределы методических указаний и выработки правил работы с источником. В своих “Лекциях по русской истории” С.Ф. Платонов допускал “построение общей схемы” того или иного исторического процесса, но только там, где “факты уже собраны и освещены”²⁴, и категорически отказывался понимать историю как “науку о законах исторической жизни человеческих обществ”²⁵. В представлении лидера “петербургской исторической школы” “история есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ”²⁶. При таком подходе методология исторического построения и синтеза фактически выводилась за пределы теоретической регламентации и оставалась сферой индивидуального творчества исследователя. Однако для методологических штудий В.О. Ключевского решение именно этих задач было основным.

Таким образом, разногласия между учеными не касались методики исследования, более того и в своем “Курсе русской истории”, как показал А.Н. Цамутали, “Платонов в своих общих построениях шел по пути, намеченному Ключевским”, хотя и по-новому осветил целый ряд вопросов²⁷. Да и сам С.Ф. Платонов в своей автобиографии 1928 г. вспоминал, что после окончания университета в середине 1880-х годов “в понимании смысла и содержания русского исторического процесса я испытывал на себе влияние лекций и монографий В.О. Ключевского”²⁸. Однако не случайно, что в некрологе, посвященном этому ученому, С.Ф. Платонов подчеркнул, что значение В.О. Ключевского совсем не в “совершенстве его схемы”, а в “таланте исследователя”, “красоте его художественного творчества”²⁹, более того, уже в 1918 г. он поддержал А.Е. Преснякова, предложившего пересмотреть “схемы Ключевского” в духе “школы Платонова” (школы “восстановления прав источника и факта”)³⁰. Можно предположить, что С.Ф. Платонову были чужды вопросы, не связанные с практикой исследования. В области практики он был, прежде всего, историком “одной темы” (история Смуты)³¹, проблема же “схемы” русской истории была для ученого второстепенной. По существу, с В.О. Ключевским у него не было предмета для

спора – настолько на разных “полюсах” исторической науки они находились.

В то же время профессиональные и житейские отношения у историков были довольно ровными. С.Ф. Платонов познакомился с В.О. Ключевским с конца 1880-х годов, со времени защиты своей магистерской диссертации “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник”³², заслужившей положительный отзыв В.О. Ключевского³³. Этот отзыв, кстати, обеспечил присуждение С.Ф. Платонову Уваровской премии 1890 г.³⁴ Как показал В.А. Колобков³⁵ “каменем преткновения” в их отношениях мог стать эпизод, связанный с защитой диссертации учеником В.О. Ключевского П.Н. Милюковым под названием “Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого”³⁶ в начале 1890-х годов, вызвавшей недовольство и противодействие учителя (В.О. Ключевский добился того, чтобы П.Н. Милюкову не присудили за труд докторской степени³⁷). Дело в том, что С.Ф. Платонов способствовал публикации глав диссертации П.Н. Милюкова по мере их подготовки в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП), членом редколлегии которого он являлся³⁸. В мае 1891 г. в ответ на письмо П.Н. Милюкова, в котором последний недвусмысленно писал о гонениях на него, организованных В.О. Ключевским, С.Ф. Платонов замечал, что сведения П.Н. Милюкова “чрезвычайно удивили его”: “Удивили тем, что совпали с темными слухами, циркулирующими здесь о В.О. Здесь смотрят на него, как на человека, с которым случилось что-то неладное и странное. Я не давал этим слухам до сих пор никакой цены, теперь же – удивляюсь”³⁹.

Осложнения отношений В.О. Ключевского с П.Н. Милюковым лишили С.Ф. Платонова возможности, как он вначале планировал, воспользоваться помощью П.Н. Милюкова для сближения с В.О. Ключевским⁴⁰. Однако, как отметил А.Н. Цамутали, в начале 1890-х годов “личное знакомство С.Ф. Платонова с В.О. Ключевским постепенно налаживается”⁴¹. “Удивление” поведением В.О. Ключевского не помешало С.Ф. Платонову вскоре в письме В.О. Ключевскому, проявить, по определению М.А. Айвазяна, “изящную законченность стиля”, в частности, поместив в нем пассаж следующего содержания: “пытаюсь... выразить чувство глубочайшего уважения моего к Вам, воспитанное на изучении Ваших монографий и лекций по предмету, которому я и сам посвящаю свои слабые силы”. “Знакомство с Вашими трудами, – продолжал С.Ф. Платонов, – и Ваши беседы – составляют одно из лучших приобретений моего ума, за которое ни мо-

гу не благодарить Вас хотя бы письмом⁴². Цели “изящное письмо” достигло – между В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым завязалась переписка⁴³. В то же время, однако, С.Ф. Платонов в узком кругу вновь возмущался поведением В.О. Ключевского на защите диссертации П.Н. Милюкова в мае 1892 г.⁴⁴ Н.Н. Платонова (жена историка) уделила даже несколько страниц своего дневника описанию этого “возмущения”. “Самый диспут Милюкова, – писала Н.Н. Платонова, – произвел на С.Ф. тяжелое впечатление. Сам диссертант держался прекрасно, и публика во время диспута отнеслась к нему с большой симпатией. Но оппоненты Ключевский и Якушкин... не удовлетворили С.Ф.: второй был слаб, а первый бесконечно равнодушен, холоден к диспутанту, как будто это не ученик его, а человек для него совершенно посторонний... С.Ф. говорит, что трудно передать его впечатления словами, но ему было бесконечно жаль Милюкова и его жену, которая присутствовала на диспуте и, по словам С.Ф., очевидно страдала⁴⁵.”

Как пишет Н.Н. Платонова, диспут П.Н. Милюкова заставил ее мужа отказаться от идеи защищать докторскую диссертацию в Москве⁴⁶. После диспута П.Н. Милюкова С.Ф. Платонов все же отправился на прием к В.О. Ключевскому и, как записала Н.Н. Платонова в своем дневнике, “прием был очень любезный, но все-таки С.Ф. говорит, что больше не пойдет к нему. Ключевский, по впечатлениям С.Ф.-ча держался так, как будто С.Ф. полицейский агент, от которого все нужно скрыть, но и все узнать⁴⁷.” Тем не менее на деле “ухаживать” за В.О. Ключевским С.Ф. Платонов не прекратил. Так, он явился автором письма от имени “Кружка русских историков” В.О. Ключевскому, посвященного 30-летию его педагогической деятельности. В частности, лидер кружка “русских историков” сравнивал свой кружок с “одной из бесчисленных струек потока, которым освежающая сень многоветвистой ивы помогла сохранить от иссушающего зноя житейской пошлости и разочарований драгоценные капли душевной бодрости и веры в свой народ”, под “многоветвистой ивой” С.Ф. Платонов подразумевал юбиляра⁴⁸. В.О. Ключевский, естественно, отвечал С.Ф. Платонову со всевозможной любезностью⁴⁹. Отношения историков (при сохранении определенной дистанции, соответствующей разнице в возрасте) постепенно становились довольно теплыми. В.О. Ключевский однажды даже писал С.Ф. Платонову: “Первая квартира, в которую бы я постучал по приезду в Петербург, была бы Ваша⁵⁰.” Неудивительно, что П.Н. Милюков впоследствии сетовал на карьеризм и “осторожность” С.Ф. Платонова⁵¹ и называл его “столичной штучкой⁵².”

Хорошие отношения с В.О. Ключевским немало способствовали установлению тесных, дружественных отношений С.Ф. Платонова с московскими историками его поколения⁵³. Не случайно, что в советское время именно С.Ф. Платонову удалось фактически стать во главе “старой школы” русской исторической науки, объединив вокруг себя и соперничавшие ранее петербургские кружки, и учеников В.О. Ключевского (в их числе М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.И. Яковлев, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин и др.)⁵⁴.

Если С.Ф. Платонов возглавил “эмпирическое направление” в петербургской школе, то А.С. Лаппо-Данилевский был лидером “теоретического направления”⁵⁵. С начала 1890-х годов его отношения с С.Ф. Платоновым носят отчужденный, почти враждебный характер⁵⁶. Отношения А.С. Лаппо-Данилевского с В.О. Ключевским носили иной характер.

Для сравнения теоретических воззрений двух историков небезынтересно сопоставить две работы (два курса лекций): “Методологию русской истории” В.О. Ключевского⁵⁷ и “Методологию истории” А.С. Лаппо-Данилевского⁵⁸. Неизвестно, читали ли их авторы работы друг друга (первоначально методологические курсы обоих историков были изданы литографическим способом, и лишь за год до смерти В.О. Ключевского первая часть труда А.С. Лаппо-Данилевского появилась в печати). Для теоретических взглядов В.О. Ключевского А.С. Лаппо-Данилевский ссылается только на введение в его “Курс русской истории”⁵⁹.

Методологическая система В.О. Ключевского была ориентирована прежде всего на решение задачи синтеза русской истории, выявление законов ее развития, определение ее общей схемы. В основе взгляда В.О. Ключевского на методологию был исследовательский прагматизм, но он не ограничивался (как у С.Ф. Платонова) решением задачи восстановления факта, а шел дальше – к решению проблемы синтеза “местной истории” в рамках позитивистской модели теории истории. Историческая методология понималась как совокупность приемов изучения, которые разнообразны в зависимости от поставленных задач, а задачи определяются предметом изучения. Предмет же исторической науки, согласно В.О. Ключевскому, – “происхождение, развитие и свойства людских союзов”⁶⁰. “Объективный метод” исторического изучения поэтому заключается, по определению ученого, в том, чтобы все исторические явления представить как часть этого движения. По мысли лидера “московской школы” изучение исторических явлений должно строиться “сверху вниз”, т.е. от верховной власти к низшим слоям населения. В.О. Ключевский

утверждал, что такой порядок изучения дает возможность сводить явления того или другого разряда (т.е. явления политические, юридические и экономические) “в особую обобщающую формулу”, а из отдельных формул можно вывести “общую схему нашей истории”. В курсе русской истории этот метод изучения В.О. Ключевский называл “социологическим” и прямо связывал с общей задачей выведения законов функционирования общества. Примечательно, что и задачи исторической критики В.О. Ключевский полностью подчинял “объективному методу”, считая критику источников (о методике которой речь шла выше) лишь первой ступенью исторической критики, верхняя ступень которой (так называемая высшая историческая критика) как раз и связана с выявлением исторической закономерности явлений⁶¹.

Методологическая система А.С. Лаппо-Данилевского явилась своеобразным обобщением исследовательского опыта “петербургской школы” и была связана с решением задач источниковедения и исторического построения, задачи синтеза уходили на второй план. Примечательно, что К.Н. Бестужев-Рюмин возлагал надежду на разработку теоретических основ исторической науки на представителя следующего поколения школы – А.С. Лаппо-Данилевского⁶².

Ведущий принцип исторического исследования, предлагаемый А.С. Лаппо-Данилевским, – идиографический, понимаемый им как восхождение от единичного к общему. Эту иерархию исследовательских процедур А.С. Лаппо-Данилевский относил как к теории истории (“общая методология истории”), так и к методам исторического изучения (“специальная методология истории”).

Согласно А.С. Лаппо-Данилевскому, “под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле, следует преимущественно разуметь воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду”, при этом данное воздействие выступает как индивидуальное. С этих позиций строилась и выдвигаемая А.С. Лаппо-Данилевским последующая группировка исторических фактов, в том числе “состояния культуры”, “исторических рядов”, “систематического” и “эволюционного” целого, и, наконец, “исторического целого”. В результате мировая история виделась А.С. Лаппо-Данилевскому как “великая индивидуальность человечества”. В системе А.С. Лаппо-Данилевского основой исторического построения являются причинно-следственные элементы факта: комбинируя элементы и группируя исторические факты, историк осуществляет историческое построение. В ходе исторической группиров-

ки историк распределяет факты по качественным признакам в исторические ряды. Тот или иной исторический ряд определяет расположение фактов в систематическом целом (расположение в пространстве) или эволюционном целом (расположение во времени). Их наложение друг на друга создает картину исторического целого, искомой части мирового целого (мирового космоса, бытия – в понимании А.С. Лаппо-Данилевского).

Для понимания значения факта в историческом целом А.С. Лаппо-Данилевский соотносил их с абсолютными ценностями (этического характера) и таким образом рассматривал мировую историю как реализацию собственных этических идеалов. В то же время, предлагая методологический инструментарий для практики исторического исследования, ученый освобождался от своих философских догматических взглядов. Для изучения “относительного целого” (т.е. предмета конкретного исследования) А.С. Лаппо-Данилевский вводил принцип отнесения фактов к относительной ценности, господствующей в сознании людей и, следовательно, определяющей ход истории в ту или иную эпоху (общепризнанной или обоснованной). Этот методологический принцип универсален: элементы фактов рассматриваются с точки зрения их функционального значения и в зависимости от цели исследования. В результате группировки элементов возникает относительное целое, центральный исторический ряд фактов которого определяется по той или иной относительной ценности.

Система источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского целиком была основана на теоретических посылах, данных в его общей методологии. Понятие источника следовало из двоякого понимания природы источника как факта, и показания о факте основывалось на определении исторического факта “как воздействия сознания данной индивидуальности на среду”. Факты, обладавшие свойствами “исторической ценности” и “действенности”, А.С. Лаппо-Данилевский называл фактами с историческим значением. Соответственно исторический источник – “есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением”. От этого определения строилась система классификации исторических источников и методов их изучения, которые включали в себя интерпретацию (установление объективного психического значения источника) и критику (установление научно-исторической ценности источника). Последняя заключала в себе критику источника как факта и показаний о факте. Получаемые в ходе источниковедческого анализа результаты позволяли определить позицию как источника, так и восстанавливаемого с его помощью факта в системе ис-

торического (относительного) целого, руководствуясь изложенными выше принципами группировки исторических фактов⁶³.

Научно-теоретическим взглядам А.С. Лаппо-Данилевского в области методологии истории, методики и техники исторического исследования присуще единство. Элементы неокантианской философии в теории истории А.С. Лаппо-Данилевского имеют вспомогательное и чисто методологическое значение в конструируемой им системе исторического знания. Поэтому и критику его методологии истории за “догматизм” и “неокантианский идеализм” следует объяснить как отрицанием необходимости теоретического подхода к историческому знанию со стороны представителей эмпирического направления “петербургской школы”, так и чуждым этому направлению подходом к теории истории сначала представителей “московской школы”, а затем историков-марксистов⁶⁴.

Таким образом, сравнивая теоретические позиции В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского, можно заключить, что в их основе были противоположные подходы к историческому познанию: в терминологии того времени их можно охарактеризовать как “генерализирующий” (у В.О. Ключевского) и “индивидуализирующий” (у А.С. Лаппо-Данилевского). Можно предположить, что в основе методологических систем двух ученых лежали разные исследовательские традиции московской и петербургской исторической школ.

В своем “Курсе русской истории” (читавшемся в 1890-е годы в Историко-филологическом институте) А.С. Лаппо-Данилевский ограничивается лишь кратким изложением “теории колонизации” В.О. Ключевского, воздерживаясь от того, чтобы давать ей оценку⁶⁵. Правда, в последнем издании лекций А.С. Лаппо-Данилевского (1897) после изложения “схемы” В.О. Ключевского появляется примечательный критический пассаж: “в этой схеме, как видно, В.О. Ключевский опускает духовные факторы нашего развития, а отсюда и взаимодействие между различными основными проявлениями древнерусской жизни, и ее эволюция в целом недостаточно выяснена; позднейшие периоды нашей истории, к тому же, обрисованы слишком слабо: намечены, быть может, лишь некоторые из ее особенностей, а не ее основания”⁶⁶. В курсе историографии А.С. Лаппо-Данилевского В.О. Ключевский, наряду с С.М. Соловьевым, характеризуется как “представитель последнего – современного нам – направления”, которое “рассматривает русскую народность как организм, развивающийся путем перерождения частных норм в общие (государственные)”⁶⁷.

У А.С. Лаппо-Данилевского есть и несколько специальных очерков, посвященных В.О. Ключевскому. Первый из них относится к 1900 г. Это “Записка об ученых трудах профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского”, составленная А.С. Лаппо-Данилевским от имени ряда академиков и явившаяся формальной рекомендацией для избрания В.О. Ключевского в состав Академии наук. В “Записке” деятельность В.О. Ключевского рассматривается, прежде всего, как ученика С.М. Соловьева и сторонника “органической теории”⁶⁸. Интересно, что среди достоинств кандидата А.С. Лаппо-Данилевский выделял, однако, иные стороны профессиональной деятельности и научного метода В.О. Ключевского, — те, которые были близки ему самому. Так, особое внимание А.С. Лаппо-Данилевский уделил работе В.О. Ключевского над древнерусскими житиями (“Древнерусские жития святых как исторический источник”⁶⁹). По словам А.С. Лаппо-Данилевского, В.О. Ключевский “обратился к изучению житий не столько как источника, сколько как явления” и “мастерски пользовался обломками старины для воспроизведения целого”.

Примечательно, как отметил А.С. Лаппо-Данилевский, что самого Ключевского как раз это исследование и не удовлетворило, поскольку не дало ожидаемого материала для разработки теории “колонизации”. Импонировали А.С. Лаппо-Данилевскому и иные специально-исторические изыскания кандидата, которые, конечно, для самого В.О. Ключевского носили периферийный характер, например, выяснение вопроса о “ценности рубля”. А.С. Лаппо-Данилевский подчеркнул ценность работ ученого, посвященных истории XVII–XVIII вв., где, по его словам, В.О. Ключевский обратился к анализу западных влияний на русскую культуру, к исследованию религиозных представлений людей Московской Руси и выявил “значение идеи, возникшей у некоторых из русских людей того времени под влиянием падения Константинополя”, рассмотрел вопрос о роли церкви в обществе. А.С. Лаппо-Данилевский как бы подчеркивал своим изложением, что исследование сознания народа и “истории идей” оказалось более продуктивным в научной деятельности В.О. Ключевского, нежели социально-экономическая проблематика и тема “колонизации”⁷⁰.

После смерти В.О. Ключевского А.С. Лаппо-Данилевский принял участие в ряде мероприятий, посвященных памяти покойного ученого. Так, в 1911 г. А.С. Лаппо-Данилевский выступил с речами, посвященными В.О. Ключевскому на заседаниях секции русской истории Исторического общества при Петербургском

университете⁷¹ и XV Археологического съезда. В последнем выступлении А.С. Лаппо-Данилевский особо остановился на роли В.О. Ключевского как главы “московской исторической школы”, к которой он отнес П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, В.Н. Сторожева, Я.Л. Барскова, М.М. Богословского, Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского, и, что примечательно, подчеркнул влияние В.О. Ключевского на труды своих петербургских коллег – М.А. Дьяконова и С.Ф. Платонова⁷². А.С. Лаппо-Данилевский также явился автором двух публикаций, посвященных памяти В.О. Ключевского. Статья “Памяти Ключевского” публиковалась дважды: сначала в журнале “Вестник Европы”⁷³, затем в сборнике “Памяти В.О. Ключевского” под названием “Исторические взгляды В.О. Ключевского”⁷⁴; другая публикация – некролог, читанный в Общем собрании Академии и помещенный в ее “Известиях” (ИАН) (1911)⁷⁵. А.Н. Цамутали первый обратил внимание на критическое отношение А.С. Лаппо-Данилевского к теоретическим взглядам В.О. Ключевского, которое скрывалось за внешне почтительным тоном, соответствующим жанру статьи “Исторические взгляды...”⁷⁶

Действительно, А.С. Лаппо-Данилевский, анализируя систему взглядов В.О. Ключевского, подчеркивал “социологичность” точки зрения на историю, зависимость его схемы от взглядов С.М. Соловьева. Примечательно, что А.С. Лаппо-Данилевский явно критически относился как раз к тому, чем, по его словам, В.О. Ключевский “пополнил схему, принятую Соловьевым”, а именно положением о доминирующей роли социальных и экономических факторов в истории. Одновременно А.С. Лаппо-Данилевский, правда, обратил внимание и на то, что было позитивного в творчестве В.О. Ключевского с точки зрения его собственной системы. В.О. Ключевский не отрицал значение “духовных факторов”, роли тех идей в истории, которые имеют “обще-признанное” или историческое значение. Особо импонировал А.С. Лаппо-Данилевскому сам принцип целостного синтетического взгляда на историю, сочетание разработки теории и конкретно-исторических исследований. А.С. Лаппо-Данилевский отмечал как достоинство схемы В.О. Ключевского (в сравнении с С.М. Соловьевым), что он стремится показать “индивидуальный” характер русской истории, т.е. в решении этой задачи становится на близкую А.С. Лаппо-Данилевскому “индивидуализирующую” точку зрения⁷⁷. В некрологе, помещенном в ИАН, А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивает достоинства конкретно-исторических работ В.О. Ключевского. В частности, он отмечает, что последний хотел “понять наше прошлое с собственно исторической точ-

ки зрения, в значительной степени соподчиняя ей ту социологическую схему, с которой он приступил к своим исследованиям”⁷⁸. Высоко ценил А.С. Лаппо-Данилевский и “редкий дар слова”, присущий покойному ученому, его способность к художественному воскрешению истории”⁷⁹.

Таким образом, хотя А.С. Лаппо-Данилевскому были близки вопросы теории истории, и он готов был принять те конкретно-исторические выводы В.О. Ключевского, которые подчиняли общую “социологическую схему”, все же теоретические принципы, лежащие в основе методологии научной работы В.О. Ключевского, являлись для его петербургского коллеги совершенно чуждыми.

Различное видение задач исторической науки, по-видимому, вело к тому, что “точек соприкосновения” (или “столкновения”) научных интересов В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского тоже было немного. Познакомились ученые, по-видимому, в начале 1890-х годов и, по всей вероятности, их отношения всегда носили только официальный характер. В ходе конфликта вокруг диссертации П.Н. Милюкова А.С. Лаппо-Данилевский недвусмысленно занял сторону последнего и наряду с С.Ф. Платоновым оказал содействие в напечатании в Петербурге “Государственного хозяйства России...”⁸⁰

Общие научные интересы и задачи А.С. Лаппо-Данилевского и В.О. Ключевского были, прежде всего, связаны с совместной деятельностью историков в Академии наук. И все же их отношения, несмотря на внешне уважительный характер, были куда более прохладными, чем у В.О. Ключевского с С.Ф. Платоновым. Возможно, это связано с началом сотрудничества в составе Историко-филологического отделения Академии наук (ИФО) А.С. Лаппо-Данилевского и В.О. Ключевского. В Академию наук историки были избраны почти одновременно. А.С. Лаппо-Данилевский в 1899 г. был избран адъюнктом, В.О. Ключевский – в конце 1900 г. ординарным академиком ИФО вне штата (а в 1908 г. – еще и почетным академиком разряда изящной словесности Академии наук).

Существуют разные точки зрения относительно того, почему В.О. Ключевский не был избран в штат Академии сразу после того, как освободилась в 1899 г. вакансия после кончины А.А. Куника. Р.А. Киреева, например, считает, что дело заключалось в том, что В.О. Ключевский не хотел переезжать из Москвы⁸¹. Эта точка зрения вызывает некоторые сомнения. В “Материалах к биографии Васильевского” И.М. Гревс пишет по этому поводу, что выбирать иногородних В.С. Иконникова и В.О. Ключевского

“было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освободилось только место адъюнкта” и описывает усилия В.Г. Васильевского по избранию именно А.С. Лаппо-Данилевского⁸². Сам А.С. Лаппо-Данилевский в письме к М.А. Дьякову разъясняет ситуацию следующим образом: “Вы пишете об Иконникове и Ключевском... выяснилось, что в уставе есть параграф, в силу которого можно быть избранным лишь в адъюнкты, из которых заслуживающие сего переизбираются э[к]страординарные] и о[р]динарные] академики”⁸³.

В упомянутой выше “Записке”, составленной А.С. Лаппо-Данилевским для рекомендации В.О. Ключевского в Академию, указывается, что предложение В.О. Ключевского в “иностранное ординарные академики” (т.е. за штатом) связано с “отсутствием второй ординатуры по истории”⁸⁴. Оценивая эти пояснения, следует иметь в виду, что внутри Академии “штатные” члены обладали равными правами, а продвижение из адъюнктов в академики являлось чисто технической процедурой, занимающий 2–3 года. Так, А.С. Лаппо-Данилевский стал “эксстраординарным академиком” уже в 1902 г. Примечательно, что и с освобождением “штатной ординатуры” в ИФО в 1904 г. после смерти Н.Ф. Дубровина она не была предложена В.О. Ключевскому, – “штатным ординарным” академиком стал А.С. Лаппо-Данилевский. По-видимому, петербургские академики (старшее поколение “школы”, а затем и А.С. Лаппо-Данилевский) изначально не склонны были всерьез рассматривать возможность избрания В.О. Ключевского в штат “своего” ученого учреждения.

Н.Н. Платонова спустя много лет вспоминала, что К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Р. Розен и В.Г. Васильевский, желая “оживить работу” Академии в конце 1890-х годов специально задались целью провести для этого в ее состав “молодых ученых” и остановились на А.С. Лаппо-Данилевском и С.Ф. Ольденбурге⁸⁵. Но при отсутствии вакансии в состав Академии и можно было избрать только “вне штата”, т.е. “с оставлением в прежней должности”, что и было в 1900 г. сделано в виде “утешительного приза” в отношении В.О. Ключевского и Ф.И. Успенского⁸⁶, который тоже претендовал первоначально на место А. Куника⁸⁷. Можно предположить, что эта история с избранием в академики, наряду с научно-теоретическими разногласиями, предопределила отчасти и характер сотрудничества ученых в составе Академии.

Единственным опытом этого сотрудничества стала попытка А.С. Лаппо-Данилевского привлечь В.О. Ключевского к своему основному проекту в Академии – изданию грамот Коллегии экономии. Однако В.О. Ключевский предложил печатать акты не по

уездам (в отличие от А.С. Лаппо-Данилевского), а в общем хронологическом порядке⁸⁸: “Расположение актов Коллегии экономики в архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, – писал В.О. Ключевский А.С. Лаппо-Данилевскому, – специаль[ными] практическими нуждами учреждения... В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позднейших в хронологическом порядке без дальнейшего их подразделения”. Одновременно В.О. Ключевский предлагал составить к изданию географический указатель с распределением актов по уездам⁸⁹. Для А.С. Лаппо-Данилевского этот прагматический подход, конечно, приемлем не был, – с позиций его методологии, грамоты следовало расположить в “систематическом целом”, т.е. печатать их по уездам в хронологической последовательности⁹⁰.

После этого эпизода В.О. Ключевский фактически отстранился от деятельности Отделения. Так, в 1906 г. он отказался от поручения Комиссии Академии по присуждению премий гр. Уварова от рецензирования сочинения М.С. Грушевского “Очерк истории украинского народа”⁹¹. Сам по себе формальный отказ от выполнения поручения Академии под предлогом занятости другими делами (в университете)⁹² со стороны ее действительного члена – случай беспрецедентный. Следует иметь в виду, что комиссиями по присуждению премий гр. Уварова по сочинениям по русской истории фактически руководил А.С. Лаппо-Данилевский⁹³ (кстати, симпатизировавший М.С. Грушевскому). По-видимому, В.О. Ключевский не хотел играть “вторую скрипку” в ИФО, следуя политике А.С. Лаппо-Данилевского, что и давал недвусмысленно понять. Тем не менее вряд ли обоснованно говорить о каком-то формальном “разрыве” в отношениях В.О. Ключевского с А.С. Лаппо-Данилевским.

Так, несмотря на свое фактическое неучастие в делах Отделения, В.О. Ключевский пытался помочь А.С. Лаппо-Данилевскому в переговорах с директором Московского архива Министерства юстиции Д.Я. Самоквасовым по поводу запланированного Академией издания “Материалов по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду”, хранившихся в этом же архиве. Редактором издания был ученик В.О. Ключевского В.Н. Сторожев. У него так же, как и у А.С. Лаппо-Данилевского (курировавшего издание от Академии), сложились конфликтные отношения с Д.Я. Самоквасовым, который был известен своим нетерпимым отношением к любым публикациям своего Архива, осуществлявшимся помимо него самого⁹⁴. Директор даже запретил В.Н. Сторожеву входить в Архив. В.О. Ключев-

ский пытался по просьбе А.С. Лаппо-Данилевского смягчить позицию Д.Я. Самоквасова, но последний заявил ему, что “этого запрета”, наложенного на В.Н. Сторожева “за какой-то поступок с архивными документами” “не может отменить ни он, директор, ни сам министр юстиции”, о чем В.О. Ключевский с долей иронии и сообщил А.С. Лаппо-Данилевскому⁹⁵.

В то же время В.О. Ключевский добился от Д.Я. Самоквасова обещания предоставить “все удобства” для другого лица, который будет готовить это издание для Академии. По всей вероятности, ни А.С. Лаппо-Данилевского, ни Историко-филологическое отделение такой компромисс не устроил, и работа над изданием “Материалов” была продолжена В.Н. Сторожевым только после смерти Д.Я. Самоквасова в 1911 г., что привело к 12-летнему перерыву между их первым и вторым выпусками⁹⁶. Судя по этому эпизоду, отношения между учеными при всей их отдаленности друг от друга оставались корректными и даже учтивыми. Последний раз А.С. Лаппо-Данилевский и В.О. Ключевский, по видимому, встречались в 1909 г. в Москве – в дневнике В.О. Ключевского сохранилась запись⁹⁷ о разговоре по теме, в изучении которой их научные интересы смыкались – история сословий⁹⁸.

Пожалуй, больше других представителей “петербургской школы”, внимание творчеству В.О. Ключевского уделял А.Е. Пресняков. Теоретические взгляды А.Е. Преснякова так никогда и не были им сформулированы в сколько-нибудь законченном виде. Его отношение к теории истории и разработке исторических “схем” всегда носило двойственный характер. С начала 1890-х годов А.Е. Пресняков колебался между прагматическим (или эмпирическим) подходом С.Ф. Платонова к задачам исторической науки и теоретическим подходом А.С. Лаппо-Данилевского. Первый тип отношения к науке казался ему ограниченным⁹⁹, а второй – догматичным¹⁰⁰. С первых шагов на профессиональном поприще для А.Е. Преснякова было характерно глубоко критическое отношение к современному ему состоянию науки, в частности, к так называемой “юридической школе”. В своем дневнике (июль 1890 г.) он дает ей такую характеристику: «Юридическая школа русской историографии – одно из течений западничества и источник ее философский... Изучение [этой школой русской истории] очевидно исходило постоянно из предвзятой мысли. И это почти сознательно: в истории непременно искали “начало”»¹⁰¹.

Неудивительно, что уже на студенческой скамье А.Е. Пресняков проявлял интерес к проблемам “методологии истории”¹⁰². В то время (1892–1894) он даже рассматривал возможность напи-

сания магистерской диссертации, посвященной историку И.Д. Беляеву и аргументировал возможность такого выбора тем, что “это прекрасная задача для начала научных занятий. Ведь это работа по теории науки, по исторической методологии. По-моему, это даже как раз то, что на очереди стоит, то, что нам нужно”¹⁰³. Другое дело, что А.Е. Преснякову казался непрочным сам фундамент современной ему исторической науки. В одном из писем к матери в феврале 1893 г. А.Е. Пресняков замечает: “По правде сказать, если заниматься историей, как наукой, то надо еще понять, что это за птица, а не только теории такой науки нет, но нет – смешно сказать, а, ей-Богу, нет! – даже определения ее. И такие странные из этого смешения понятий выходят. Разобраться в этом необходимо, если относиться к делу серьезно; а добиться чего-нибудь в теории исторической науки – почти невозможно”¹⁰⁴. Через несколько месяцев в одном из писем находим следующие, почти отчаянные соображения: “Если у меня дело не налаживается, то это... по причинам чисто научным. Наша наука – вовсе не наука и я мучаюсь над попытками выделить из ее задач то, что хоть сколько-ниб[удь] научно. То, что пишут по исторической методологии – довольно жидко. Эти пункты меня заняли настолько, что я согласился... что я лучше чувствовал бы себя в математике”¹⁰⁵. И в то же время молодой историк, по его словам, “не мог оторваться от разных логик, теории познания, методологии”¹⁰⁶, тем более, что к этим занятиям его побуждал, так же как и А.С. Лаппо-Данилевского, К.Н. Бестужев-Рюмин¹⁰⁷, а затем и сам А.С. Лаппо-Данилевский¹⁰⁸.

Однако в отличие от А.С. Лаппо-Данилевского, который сформулировал законченную систему методологии истории, А.Е. Пресняков подобной попытки так и не предпринял. Тем не менее ряд статей (прежде всего, рецензий), написанных им в 1890–1910 гг., затрагивают вопросы теории и методологии истории¹⁰⁹. По справедливому наблюдению С.В. Чиркова, к середине 1900-х годов, «А.Е. Пресняков пришел к разделению теоретических установок историка-исследователя и историка-мыслителя, служащих логическим обоснованием намечавшегося у него уже ранее разрыва между требованием единой теории познания, которую он... ищет в риккертской теории ценности, и исследовательской практикой, которая остается в основном на прежних рельсах “второго” позитивизма»¹¹⁰. Такой подход к задачам исторического исследования позволил А.Е. Преснякову в 1904 г. в статье, посвященной С.М. Соловьеву, выступить с критикой его “теории родового быта” за преобладание в ней “чисто дедуктивных приемов”¹¹¹. Впоследствии, в 1910–1920-е годы, теоретичес-

кие взгляды ученого эволюционируют в направлении исторического материализма, но исследовательская практика, связанная со стремлением получить наиболее “объективное знание”, основанное на последовательном применении индуктивного и дедуктивного методов научной работы, останется неизменной. Эти общетеоретические воззрения А.Е. Преснякова в значительной степени предопределили и его отношение к В.О. Ключевскому.

Первая рецензия на труд В.О. Ключевского, принадлежащая А.Е. Преснякову, относится к 1908 г. Посвящена она очередному изданию “Краткого пособия по русской истории”¹¹². Рецензия носит более публицистический, нежели научный характер, и помещена в либеральной газете “Слово”, постоянным автором которой он являлся. “Краткое пособие...” В.О. Ключевского А.Е. Пресняков рассматривает как книгу, объясняющую не только прошлое, но и настоящее России, призванную помочь “современнику”, которому “трудно разобраться в калейдоскопе окружающих его сложной сетью событий”, “людям растерянным, не знающим, что и думать”. “Спокойная, твердая рука историка”, — пишет А.Е. Пресняков, — “чертит схему нашего завтрашнего развития, доводя изложения до сегодняшнего дня”.

Особенный интерес рецензента вызывает развитие В.О. Ключевским своей либеральной схемы русской истории на ее последних этапах — в XIX—начале XX в. А.Е. Пресняков солидаризируется с утверждением В.О. Ключевского о том, что социальные потрясения последних лет вызваны “историей социальных отношений” последних царствований: “вырождением помещичьего хозяйства” после реформ Александра II “или в хозяйство агрария, эксплуатирующее нуждою гонимые рабочие руки, или в хозяйство арендное, эксплуатирующее острую нужду крестьян в земле”, а также “обострением бесправного положения крестьян реформами Александра III” и “вырождением нашей сословности”. Рецензент вполне разделяет “вывод исторической мудрости В.О. Ключевского” о том, что закономерный путь русской истории ведет к уравниванию сословий и “усвоению правительством культурных начал конституционной монархии”. Третья же Дума, где искусственно “обеспечено большинство представителям поместного землевладения и крупной буржуазии”, представляется А.Е. Преснякову вслед за автором “Краткого пособия...” “лишь временным уклонением от закономерного течения русской истории”¹¹³. Политический подтекст этого отклика на пособие В.О. Ключевского очевиден, однако при всем своем публицистическом характере рецензия А.Е. Преснякова сама по себе указывает на то немаловажное обстоятельство, которое

объединяло двух историков: принадлежность к кругу так называемой либеральной историографии, приверженность ее историографическим установкам, в частности, в построении схемы русской истории.

Однако примерно в то же время, когда “схема” В.О. Ключевского использовалась А.Е. Пресняковым для пропаганды своих оппозиционных политических взглядов, он заканчивал свою магистерскую диссертацию “Княжое право в Древней Руси”¹¹⁴, полемический пафос которой вновь был направлен против “схемы” “корифея” государственной школы и учителя В.О. Ключевского С.М. Соловьева. В диссертации А.Е. Пресняков стремится избежать “социологического догматизма”, уйти от того, чтобы “найти одно основное начало – родовое, общинное или иное” и из “него объяснить все существенные особенности древнерусского быта”¹¹⁵. Не случайно, что позднее А.Е. Пресняков многократно будет развивать тезис о В.О. Ключевском как о последователе “схемы С.М. Соловьева”. Примечательно, что методика критики этой “схемы”, основывающаяся на новом прочтении исторических источников, сразу же получает полную поддержку С.Ф. Платонова¹¹⁶. В курсе лекций по русской истории, который А.Е. Пресняков читал в Петербургском университете в 1909–1916 гг. (опубликован в 1938 г.), в целом сохраняется “почтительное” отношение к В.О. Ключевскому, однако ряд положений его “схемы” уже решительно пересматривается, появляются и замечания принципиального характера. Так, характеризуя курс лекций В.О. Ключевского по русской истории, А.Е. Пресняков замечает, что в нем “вообще много литературности” и “схема” В.О. Ключевского носит скорее “логический”, нежели “исторический” характер¹¹⁷.

А.Е. Пресняков был одним из организаторов так и несостоявшегося публичного заседания Общего собрания Исторического общества при Петербургском университете, посвященного памяти В.О. Ключевского. Причины его срыва А.Е. Пресняков излагает в письме к А.А. Шахматову, у которого просит содействия: “У меня на душе одно недоумение, вероятно, безнадежное, которое решаюсь повергнуть на усмотрение Ваше. Умер Ключевский. Наше историческое общество предложило устроить заседание – публично – в его память, с речами Милюкова, Дьяконова, Щепкиной. Но – произошел у Общества конфликт с полицией по вопросу о том, отменяют ли правила 4 марта о публичных собраниях соответствующие §§ устава общества и заседание пришлось отложить впредь до выяснения сего вопроса. Вероятно, что оно и вовсе не состоится. Вот и думается – отчего бы Академии не ус-

троить, м.б., совместно с Университетом такого заседания, с речами – ее члена-корреспондента С.Ф. Платонова, Дьяконова, Лаппо-Данилевского? Право, не хорошо оставлять эту память без поминок”¹¹⁸. Однако это заседание не состоялось, хотя отдельные мероприятия, посвященные В.О. Ключевскому, прошли как в Академии, так и в университете. В качестве одной из возможных причин следует назвать антагонистические отношения С.Ф. Платонова, заведовавшего кафедрой русской истории, с академиком А.С. Лаппо-Данилевским.

После смерти В.О. Ключевского А.Е. Пресняков многократно обращался к анализу его творческого наследия. Наиболее важной в этом отношении явилась знаменитая речь А.Е. Преснякова при защите докторской диссертации “Образование великорусского государства” (1918)¹¹⁹. По существу, в этом выступлении А.Е. Пресняков распространил претензии, уже ранее предъявляемые им С.М. Соловьеву и на В.О.Ключевского. По его словам “Соловьевская схема распадается в переработке Ключевского. Распадается, но не исчезает. Засыпает обломками пути изучения и построения, не дает полной свободы в чтении текстов, изучении источников, подборе данных, построений фактов из указаний первоисточников. Ключевский оперирует в значительной мере над Соловьевским наследием, которое стоит между ним и непосредственным свободным восприятием материала первоисточников. Реалист-художник в своем восприятии прошлого, В.О. Ключевский в своих обобщениях и построениях связан традиционными приемами идеологической схематизирующей историографии”¹²⁰. Именно тогда подход “московской школы”, школы С.М. Соловьева–В.О. Ключевского, А.Е. Пресняков противопоставляет “петроградской исторической школе” (С.Ф. Платонова), основанной на “восстановлении прав источника и факта”. При этом А.Е. Пресняков не отрицает необходимости построения “исторических схем”, – “это тоже схема, – пишет А.Е. Пресняков о своей концепции, – но в ней вижу законное преобладание роли материала...”¹²¹

При оценке речи А.Е. Преснякова следует, конечно, учитывать и то обстоятельство, что С.Ф. Платонов и его ученик С.В. Рождественский были официальными оппонентами А.Е. Преснякова, а положение А.Е. Преснякова в корпорации С.Ф. Платонова из-за его “заигрывания” с советской властью не было устойчивым¹²², поэтому и упоминание “школы С.Ф. Платонова” диссертантом выглядело естественно. Подчеркнем, что речь не идет о “конъюнктуре” со стороны А.Е. Преснякова, а скорее о некоей “субъективной обусловленности” его высказы-

ваний, выразившейся в том, когда это суждение прозвучало, и в форме, в какой оно было высказано. Однако, несомненно, что неприятие традиций юридической школы у А.Е. Преснякова зрело давно, и попытка построить иную “схему” русской истории, методологически связанную с петербургскими источниковедческими традициями, явилась закономерным завершением его многолетних научных штудий.

Отметим также, что С.Ф. Платонов публикует блестящий отзыв о работе А.Е. Преснякова. Подчеркивая достоинство методологии рецензируемой работы (цель которой “восстановить права источника и факта”), С.Ф. Платонов отмечает, что работа “ставит автора в один ряд виднейших исследователей русского средневековья”¹²³, ведь «трудом А.Е. Преснякова начат новый период в ученом развитии взятой им темы – начальной истории Московского государства, и совершилась своего рода эмансипация от “схем”, более полувека господствующих в нашей историографии»¹²⁴.

В 1920 г. А.Е. Пресняков развил мысли, высказанные в речи на защите диссертации, в другом выступлении – на публичном заседании Союза архивных деятелей, посвященном С.М. Соловьеву¹²⁵. По его словам, В.О. Ключевский продолжал “держаться” за схему С.М. Соловьева, но в его изложении она “потеряла свою стройную законченность”¹²⁶.

Свою критическую позицию А.Е. Пресняков высказал и в лекциях по русской историографии, которые в 1921 г. читал в Археологическом институте¹²⁷. А.Е. Пресняков отмечал, что “его (В.О. Ключевского. – Е.А.) теория развития русского общества в сущности опирается на Соловьева, и дополнена она теориями, которые были взяты из современной ему публицистики”. Среди идейных вдохновителей исторической мысли В.О. Ключевского А.Е. Пресняков указывает на П.Л. Лаврова, Б.Н. Чичерина и А.П. Щапова¹²⁸.

В 1922 г. в печати появляется наиболее обширный очерк А.Е. Преснякова, посвященный В.О. Ключевскому – “В.О. Ключевский (1911–1921)”¹²⁹, в котором автор не только еще раз обозначил свое отношение к наследию историка, но и попытался одним из первых проанализировать “ценную литературу” о В.О. Ключевском¹³⁰. В этом очерке А.Е. Пресняков попытался найти аргументы в пользу своих историографических представлений о В.О. Ключевском в наблюдениях и отзывах о его творчестве, появившихся в русской литературе за десять лет, прошедших с момента кончины историка. Отталкиваясь от замечания М.М. Богословского по поводу В.О. Ключевского о том, что

“отвлеченная работа мысли была ему чужда” и что “он обладал слишком сильным воображением, он был слишком художником для абстракции”¹³¹, А.Е. Пресняков пытается реконструировать ход научного творчества историка. С точки зрения А.Е. Преснякова, “соловьевскую схему” В.О. Ключевский принял из прагматических и педагогических соображений¹³². С точки зрения историографа, большое значение и для самого В.О. Ключевского, и для науки имеет не его “схема”, а специально-исторические работы.

А.Е. Пресняков замечает, что В.О. Ключевский сам вел борьбу с “веригами схематизации” С.М. Соловьева, и, что “сильный протест” против нее “сказывается в самой утрировке Соловьевских формул”¹³³. В результате в трудах В.О. Ключевского была “исчерпана Соловьевская традиция, а тем самым освобождена русская историческая мысль для более свободной и широкой работы вне связанности ее преданием, которое стало шаблоном”¹³⁴. Касаясь метода научной работы В.О. Ключевского, А.Е. Пресняков отмечал: “На широком и сложном основании постоянного изучения и собирания данных строились его выводы и заключения; но, по-видимому, глубокие и характерные особенности его синтетического дарования делали для него ненужным и даже тягостным расчленение этих оснований на ряд аналитических моментов; анализ тонкий и точный служил первоначальным подходом к изучению поставленного вопроса, но не должен был связывать в дальнейшем изложении обобщающих выводов”¹³⁵. С этим автор очерка связывал и закрытость “лаборатории научной работы” В.О. Ключевского, критического аппарата его трудов, неясность его источников. Вообще, по словам А.Е. Преснякова, В.О. Ключевский относился к источнику как к “преграде, стоящей между историком и историческим фактом” и, используя, отбрасывал его как “отработанный материал”¹³⁶. А.Е. Пресняков отмечал, что отношение В.О. Ключевского к предмету изучения было «слишком интимным, чтобы назвать его сухим словом “объективно-научное”»¹³⁷. По мнению А.Е. Преснякова, В.О. Ключевский считал, что “бытие определяется сознанием”, однако занимался преимущественно “рядом следствий”, т.е. явлениями политическими и социально-экономическими, поскольку полагал, что еще не настало время для изучения “ряда причин”, т.е. “нашей умственной истории”¹³⁸.

Выступая в общем курсе русской истории как историк-социолог, В.О. Ключевский в значительной степени преодолел формализм историко-юридической школы, но, что “характерно и несколько загадочно” — эти выводы “не легли в основу его теорети-

ческих и методологических воззрений”¹³⁹. Комментируя критику П.Н. Милюкова в адрес В.О. Ключевского за то, что у последнего отсутствовал “коренной нерв ученой работы, который дается цельным философским или общественным мировоззрением”, А.Е. Пресняков отмечал, что в действительности “коренной нерв” был, но заключался он в “гениальной интуиции”, а не в теоретических суждениях и “схеме русской истории”, где В.О. Ключевский, который был “слишком художником для абстракций”, оставался зависим от историографической традиции¹⁴⁰.

Интересно, что, рецензируя в 1923 г. “Вестник социалистической академии”¹⁴¹, А.Е. Пресняков особо подчеркивал близость своей характеристики творчества В.О. Ключевского к оценке, данной М.Н. Покровским. Последний “отрицал какую-либо оригинальность за общей концепцией русской истории у В.О. Ключевского, который дал лишь литературную переработку (и, добавлю, – замечает А.Е. Пресняков, – яркую конкретизацию в деталях) соловьевско-чичеринских схем”¹⁴². Таким образом, А.Е. Пресняков вновь использовал тему “критической оценки В.О. Ключевского”, на сей раз уже “заигрывая” с М.Н. Покровским и его школой.

Вероятно, знакомство В.О. Ключевского и А.Е. Преснякова было самым поверхностным. Возможно, здесь сыграло роль (кроме разницы в положении и возрасте) и то представление, которое сложилось о В.О. Ключевском у А.Е. Преснякова в 1890-е годы, когда последний был еще начинающим ученым. В первый раз А.Е. Пресняков увидел В.О. Ключевского в мае 1892 г. Свои впечатления об этой встрече молодой историк изложил в нескольких письмах к матери, написанных в то время. 12 мая он написал об ученом: “В университете я видел здешних знаменитых людей: Ключевского – сухую, крепкую фигуру, с козлиной бородкой – хотя в разговоре он, кажется, мягче, чем на первый взгляд. Любопытно, что он, как оказывается, считается революционером. Фед[ор] Фед[орович Крахт] рассказывал, что во время какого-то дела о прокламациях жандармы все требовали обыска у Ключевского, да Манасеин сказал, что это им жирно будет”¹⁴³. В письме от 16 мая находим следующую запись: “Приехал сюда Платонов – ради Милюковского диспута, который будет завтра и обещает быть очень горячим, п[отому] что Ключевский в общем против диссертации Милюкова, о котором – по слухам – даже говорить избегает. Во всяком случае, хотя жаль, если есть тут личности, но схватка таких ученых сил не может не быть в высшей степени интересной”¹⁴⁴. Однако эта “схватка”, состоявшаяся на следующий день, разочаровала А.Е. Преснякова: “В воскресенье

был я на диспуте Милюкова – и остался недоволен, п[отому] что от него требовали того, чего он и не думал давать, упрекали, что он не ответил на вопросы, которые он не ставил в своей работе. Объясняю я это тем, что в точке зрения Милюкова столько нового, что со старых точек зрения его и оценивать нельзя. Да и слишком строго к нему отнеслись; факультетский отчет о его книге звучал каким-то укором, по-моему, несправедливо”¹⁴⁵. Возможно, на суждения А.Е. Преснякова повлияла и критическая позиция его научного руководителя – С.Ф. Платонова. Впрочем, и у самого А.Е. Преснякова с этого времени складываются с П.Н. Милюковым добрые отношения, а продолжающиеся “преследования” последнего В.О. Ключевским все более его раздражают. “Нехороши дела с Милюковым, – сообщает А.Е. Пресняков в письме к матери в январе 1895 г., – Ключевский его поедом ест, ручаясь, что не даст ему оклада и не допустит до профессорства в Москве. Теперь Милюков живет 11 уроками и литературной работой”¹⁴⁶.

В марте того же года после высылки П.Н. Милюкова из Москвы А.Е. Пресняков вновь возлагает ответственность на В.О. Ключевского: “Из Москвы все грустные вести. Толпа студентов со слезами проводила Милюкова. Он и сам плакал, а жену его внесли в вагон без чувств. Милюков – остаток движения, созданного Ключевским и Виноградовым, а эти генералы посторонились довольно откровенно, когда положение обострилось, и тем усилили удар, павший на тех, кто шел за ними, и от кого они отказались”¹⁴⁷. В 1898 г. по поводу гонений на П.Н. Милюкова А.Е. Пресняков высказывается уже более резко: “Министерство народного просвещения даже не знало толком, чем провинился его доцент (П.Н. Милюков. – *Е.Р.*), и выдало его с головой с обычной при Делянове жалкой покорностью всякому соседнему ведомству. А защитники Милюкова наткнулись на то, что за бюрократией стоит против Милюкова – Боголепов, друг Ключевского, которому даровитый и самостоятельный ученый давно стал поперек горла. Это гнусное дело останется навеки в общественном формуляре нового министра”¹⁴⁸. Здесь следует оговориться, что гонения на П.Н. Милюкова в действительности, очевидно, никак не были связаны с позицией В.О. Ключевского.

По-видимому, А.Е. Пресняков так и не смог преодолеть некий психологический барьер и не стремился в дальнейшем “установить знакомство” с В.О. Ключевским, как это делали многие “молодые историки” рубежа веков. Следует учитывать и то обстоятельство, что А.Е. Пресняков с начала 1900-х годов все бо-

лее отходил в своем понимании хода русской истории от “схемы С.М. Соловьева–В.О. Ключевского”.

Таким образом, следует отметить, что и С.Ф. Платонов, и А.С. Лаппо-Данилевский, и А.Е. Пресняков признавали за В.О. Ключевским исключительную роль в отечественной исторической науке. Это признание, безусловно, свидетельствовало о сближении позиций двух исторических школ в конце XIX – начале XX в. В то же время никто из ведущих представителей “петербургской школы” теоретических воззрений В.О. Ключевского не разделял, а его “схему” русской истории все они рассматривали как “вторичную” и не составлявшую особой ценности для науки. Основные заслуги В.О. Ключевского виделись им в его конкретно-исторических и источниковедческих исследованиях и педагогической работе, всеобщее восхищение вызывало и художественное мастерство историка. В этой связи представляется необходимым частично пересмотреть устоявшуюся в историографии точку зрения о чуть ли не “тотальном” влиянии концепции В.О. Ключевского на развитие так называемой “государственной” школы¹⁴⁹, к которой традиционно относят и С.Ф. Платонова, и А.С. Лаппо-Данилевского, и А.Е. Преснякова, и других петербургских историков.

Однако характер теоретических разногласий с В.О. Ключевским у каждого из ведущих петербургских историков естественно определялся не только следованием методологическим традициям своей научной школы, но и его собственными теоретическими воззрениями. В этой связи затруднительно определить, кто же из перечисленных историков был В.О. Ключевскому “ближе”. Уместнее сказать, что В.О. Ключевский был по-разному “далек” от каждого из своих петербургских коллег. Можно предположить, что, чем больше было “точек соприкосновения”, чем шире поле совместных интересов с В.О. Ключевским, тем острее и критичнее была реакция петербургских ученых на его творчество, тем сложнее обстояло дело с личными взаимоотношениями историков. Действительно, к В.О. Ключевскому лучше относился С.Ф. Платонов, не занимавшийся теоретическими и методологическими вопросами, бывший “историком одной темы” и не конструировавший своих “исторических схем”. Более критичным было отношение к В.О. Ключевскому А.С. Лаппо-Данилевского, конструировавшего свою теорию истории и на ее основе строгую систему исторической науки, восходящую к традициям “петербургской школы”, и, как следствие, предложившим свою интерпретацию схемы русской истории, выработанной “государственной школой”. Наиболее критическую реакцию на наследие В.О. Ключевского встре-

чаем у А.Е. Преснякова, который так же, как В.О. Ключевский, прагматически подходил к вопросам методологии истории и не отрицал необходимости “строительства схем”, однако “объявил войну” самой идее подчинить историческое построение априорным концепциям или “законам” исторического развития, выработанным философской и социологической мыслью.

¹ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 146–150; *Он же.* В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 282–289 и др.

² *Чирков С.В.* Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX в. // АЕ за 1989 год. М., 1990.

³ *Корзун В.П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // ОИ. 1999. № 2. С. 171–182.

⁴ *Шмидт С.О.* Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы “Петербург–Москва” // Россия в IX–XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 533–537.

⁵ *Брачев В.С.* “Наша университетская школа русских историков” и ее судьба. СПб., 2001. С. 80–83.

⁶ См.: *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1968. С. 165, 196.

⁷ *Айвазян М.А.* Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 6–8.

⁸ *Колобков В.А.* С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский (За строкой некролога: По материалам архива С.Ф. Платонова) // Там же. С. 140–148.

⁹ *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1882.

¹⁰ См. об этом: *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М., 1974. С. 146–148. Ср.: *Цамутали А.Н.* В.О. Ключевский и русские историки // Ключевский: Сб. материалов. Вып. 1. С. 283.

¹¹ *Валк С.П.* Историческая наука в Санкт-Петербургском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 3–79.

¹² *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 161–163. Подробный анализ взглядов П.Н. Милюкова относительно “петербургской школы” см.: *Трибунский П.А.* П.Н. Милюков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып. 1. С. 5–12.

¹³ *Платонов С.Ф.* Автобиографическая записка // Академическое дело. 1929–1931: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 262.

¹⁴ *Бухерт В.О.* С.Ф. Платонов и “Кружок русских историков” // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 126–143.

¹⁵ Там же. С. 136–137; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 4. Л. 68–71 об. А.Е. Пресняков – матери, 11 окт. 1899 г. Ср.: *Свердлов М.Б.* О “петербургской школе историков”, корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995. С. 18–20.

¹⁶ *Платонов С.Ф.* Обзор источников летописного типа. Литография. СПб., 1905.

¹⁷ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. 10-е изд. Пг., 1917. Переизд. см.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории // Соч.: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 35–720.

- ¹⁸ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Литография. Ср.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 55–56.
- ¹⁹ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа... Об этой работе С.Ф. Платонова см. также: Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии... С. 99.
- ²⁰ Ср.: Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970. С. 151.
- ²¹ См.: Бестужев-Рюмин К.Н. Лекции по русской истории. Литография. СПб., 1884. С. 7–10; Он же. Русская история. СПб., 1872. Т.1. С. 10–18.
- ²² Ключевский В.О. Источники русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. VII. С. 5–83.
- ²³ Там же. С. 7.
- ²⁴ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 40.
- ²⁵ Там же. С. 39.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии... С. 99–125.
- ²⁸ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка ... С. 262.
- ²⁹ См.: Платонов С.Ф. В.О. Ключевский (1839–1911); Некролог // ЖМНП. 1911. Нов. сер. Ч. XXXVI. Ноябрь. С. 30–36.
- ³⁰ См.: Платонов С.Ф. [Рец.:] Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства: Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918 // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн. 8. С. 99–100.
- ³¹ См. об этом: Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997.
- ³² Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб, 1888.
- ³³ Ключевский В.О. Отзыв об исследовании С.Ф. Платонова “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник” // Отчет о 31 присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890. С. 55–66. Ср.: Колобков В.А. Указ. соч. С. 141.
- ³⁴ См.: Отчет о 31 присуждении наград гр. Уварова.
- ³⁵ Колобков В.А. Указ. соч. С. 141–143.
- ³⁶ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.
- ³⁷ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни. Рязань, 2001.
- ³⁸ См.: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия в связи с реформой Петра Великого // ЖМНП. 1891. № 1. С. 1–47; № 3. С. 30–146; № 8. С. 289–393; № 10. С. 408–482; 1892. № 1. С. 65–124; № 2. С. 261–347.
- ³⁹ Цит по: Макушин А.В., Трибунский П.А. Указ. соч. С. 51.
- ⁴⁰ Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и русские историки. С. 284.
- ⁴¹ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии... С. 79.
- ⁴² С.Ф. Платонов – В.О.Ключевскому, 23 декабря 1891 г. // Айвазян М.А. Указ. соч. С. 7.
- ⁴³ См. об этом: Колобков В.А. Указ. соч. С. 140–148.
- ⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5691 (Платонова Н.Н. Дневник. Рукопись, 3 июня 1892 г.). Л. 127. Ср.: Макушин А.В., Трибунский П.А. Указ. соч. С. 71.
- ⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5691 (Платонова Н.Н. Дневник. Рукопись, 20 мая 1892 г.). Л. 118 об.–119.
- ⁴⁶ Там же. Л. 119–119 об.

- ⁴⁷ Там же. Л. 121 об.–122.
- ⁴⁸ С.Ф. Платонов – В.О. Ключевскому. Черновик письма, [1901 г.] // *Колобков В.А.* Указ. соч. С.147.
- ⁴⁹ В.О. Ключевский – С.Ф. Платонову, 5 янв. 1902 г. // *Колобков В.А.* Указ. соч. С. 145–146.
- ⁵⁰ В.О. Ключевский – С.Ф. Платонову, 7 дек. 1902 г. // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 196.
- ⁵¹ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 162.
- ⁵² Цит. по: *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 533–534.
- ⁵³ Там же. С. 536.
- ⁵⁴ См.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. С. 260–261; *Смирнова Т.Г.* С.Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петрограда–Ленинграда в 1920-е гг. // *Деятели русской науки XIX–XX вв.* СПб., 2000. Вып. 2. С. 203–212.
- ⁵⁵ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 15–16.
- ⁵⁶ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // *Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ.* СПб., 1999. Вып. I. С. 128–165.
- ⁵⁷ *Ключевский В.О.* Методология русской истории. 1884–85 ак.[академический] год // *Он же.* Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. VI. С. 5–93.
- ⁵⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Ч. 1, вып. II; *Он же.* Методология истории // *ЖМНП.* 1917. Ч. LXXII. Ноябрь–Дек.; *Он же.* Методология истории. I: Принципы и методы исторического знания; II: Главнейшие направления в теории исторического знания // *ИАН.* 1918. Сер. VI. Т. XII. № 5; *Он же.* Методология истории. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // *ИАН.* 1919. Сер. VI. Т. XII. № 6, 7, 9, 11, 13; *Он же.* Методология истории. Пг., 1923. Вып. 1; *Он же.* Методология истории. [СПб.]: Литография Богданова, [1909]. Ч. 2: Методы исторического изучения. Отд. II: Методология исторического построения: лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 академическом году.
- ⁵⁹ См.: *Ключевский В.О.* Русская история: полный курс лекций: В 3 кн. М., 1993. Кн 1. Лекция I. С. 3–18.
- ⁶⁰ *Ключевский В.О.* Методология русской истории... С. 9.
- ⁶¹ Там же. С. 88. Ср.: *Киреева Р.А.* Послесловие // *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. VI: Специальные исторические работы. С. 436–481.
- ⁶² ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 23об. (А.С. Лаппо-Данилевский – Е.Д. Лаппо-Данилевской, май 1893 г.).
- ⁶³ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. С. 12–14.
- ⁶⁴ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // *Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ.* СПб., 2000. Вып. II. С. 203.
- ⁶⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса Императорского Историко-филологического института в 1890/91. Литография. СПб, [1891]. С. 142–143; То же... в 1892/93. Литография. СПб, [1892]. С. 158–159.
- ⁶⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Лекции по русской истории, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1896–97 учебном году. Литография. СПб, [1897]. С. 107.

⁶⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской историографии, читанные студентам Императорского Историко-филологического института в 1891–92 академическом году. СПб., [1892].

⁶⁸ [Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.] Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского. III: Приложение к протоколу заседания ИФО 26 апреля 1900 г. // Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. СПб., 1900. Эта “Записка...” не включалась в списки трудов А.С. Лаппо-Данилевского, но о принадлежности ее А.С. Лаппо-Данилевскому свидетельствует пометка, сделанная его рукой на оттиске “Записки...”, хранящемся в фонде А.С. Лаппо-Данилевского: “Составлен мною А.-С. Л.-Д.” (ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 399. Л. 1).

⁶⁹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

⁷⁰ См. об этом: [Веселовский К.С. и др.] Указ. соч.

⁷¹ Протоколы секции русской истории от 5 октября 1911 г. по 10 декабря 1914 г. 45 заседание. Протокол от 5 октября 1911 г. // Историческое обозрение. СПб., 1915. Т. XX. С. 127. Ср.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 3. Д. 1 (Протокол 45 заседания секции русской истории Исторического общества при Петербургском университете. 5 октября 1911 г.). Л. 3.

⁷² См.: ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 244. Л. 3.

⁷³ Лаппо-Данилевский А.С. Памяти Ключевского // Вестн. Европы. 1911. Авг. С. 337–353.

⁷⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 100–116.

⁷⁵ Лаппо-Данилевский А.С. В.О. Ключевский: Некролог // ИАН. 1911. № 13. С. 921–924.

⁷⁶ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии... С. 146–150.

⁷⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского. С. 115.

⁷⁸ Лаппо-Данилевский А.С. В.О. Ключевский: Некролог. С. 923.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См. об этом: Макушин А.В., Трибунский П.А. Указ. соч. С. 61.

⁸¹ Киреева Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 434.

⁸² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 (Материалы к биографии Васильевского. Рукопись). Л. 256–257.

⁸³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 112. Л. 102 об. А.С. Лаппо-Данилевский – М.А. Дьяконову, 16 мая 1899 г.

⁸⁴ [Веселовский К.С. и др.] Указ. соч.

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 5698. Д. 5691 (Платонова Н.Н. Дневник, 10 февраля 1919 г. Рукопись). Л. 88 об.

⁸⁶ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 172 (Всеподданнейшие доклады по МНП. Докл. 439, 440). Л. 75–76 об. Об отношении современников к такому выбору Академии свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что министр народного просвещения Н.П. Боголепов, получив от имени конференции Академии представление об избрании В.О. Ключевского, подчеркнул в документе слова (“был избран вне штата” и “с оставлением в занимаемых им должностях”) и сделал на полях пометку карандашом: “Согласен ли проф. Ключевский??” (РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1611. Л. 330–330 об.).

- 87 ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 (Материалы к биографии Васильевского. Рукопись).
- 88 См. об этом: *Копанёв А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Вып. IX. С. 86.
- 89 В.О. Ключевский – в Академию наук. Черновик письма, [1900–1901 гг.] // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 192.
- 90 См.: Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.
- 91 В.О. Ключевский – Комиссии по присуждению премий гр. Уварова при Императорской Академии наук // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 205.
- 92 См.: Там же.
- 93 См.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. СПб., 2001. Вып. 1. С. 218–224.
- 94 См.: *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999. С. 200, 320–321 и др.
- 95 ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 189. Л. 1. В.О. Ключевский – А.С. Лаппо-Данилевскому, 28 мая 1906 г.
- 96 См.: Материалы по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду. СПб.; Пг., 1906–1918. Вып. 1–2.
- 97 См. об этом: *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. С. 533.
- 98 Ср.: *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии... С. 146.
- 99 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 4. Л. 68–71 об. А.Е. Пресняков – матери, 11 октября 1899 г.
- 100 *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 62.
- 101 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 36 (*Пресняков А.Е.* Дневник, 29 июля 1890 г.). Л. 245–246.
- 102 Там же. Д. 1. Л. 158 об. А.Е. Пресняков – матери, 15 дек. 1892 г.
- 103 Там же. Л. 189. А.Е. Пресняков – матери, 24 янв. 1893 г.
- 104 Там же. Л. 223. А.Е. Пресняков – матери, 28 февр. 1893 г.
- 105 Там же. Л. 309об. А.Е. Пресняков – матери, 31 окт. 1893 г.
- 106 Там же. Л. 314. А.Е. Пресняков – матери, 8 нояб. 1893 г.
- 107 Там же. Л. 317. А.Е. Пресняков – матери, 10 нояб. 1893 г.
- 108 Там же. Д. 2. Л. 61. А.Е. Пресняков – матери, 10 окт. 1894 г.
- 109 См.: *Чирков С.В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России. С. 558–562.
- 110 Там же. С. 560.
- 111 *Пресняков А.Е.* Сергей Михайлович Соловьев // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 21. Стб. 1515–1520. Ср.: *Чирков С.В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков. С. 560.
- 112 Пр.[есняков] А.Е. [Рец.:] *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. 6-е изд. // Слово. 1908. 15 февр. № 384.
- 113 Там же.
- 114 *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909.
- 115 Там же. С. V–VIII, 1–3. Ср.: *Чирков С.В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков. С. 561.
- 116 Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 93. ([Платонов С.Ф.] Отзыв о магистерской диссертации А.Е. Преснякова “Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий”. СПб, 1909). Л. 1 об.

- ¹¹⁷ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1: Киевская Русь. С. 64.
- ¹¹⁸ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 123. Л. 38. А.Е. Пресняков – А.А.Шахматову, 16 дек. 1911 г.
- ¹¹⁹ См.: Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства: Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918; *Он же*. Речь перед защитой диссертации под заглавием “Образование Великоорусского государства”. Пг., 1920.
- ¹²⁰ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием “Образование Великоорусского государства” // ЛЗАК за 1919 г. Пг., 1920. С. 6.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Свердлов М.Б. А.Е. Пресняков (1870–1929): Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 538–540, 552–554.
- ¹²³ Платонов С.Ф. [Рец.]. Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. С. 99.
- ¹²⁴ Там же. С. 100.
- ¹²⁵ Пресняков А.Е. С.М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии // Тр. ЛОИИ АН. Л., 1920. Вып. 5: Вопросы историографии истории СССР. С. 75–86.
- ¹²⁶ Там же. С.85.
- ¹²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 125; Пресняков А.Е. Русская историография: конспекты лекций, 1922.
- ¹²⁸ Там же. Л. 21 об.
- ¹²⁹ Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921) // Рус. ист. жур. 1922. № 8. С. 203–224.
- ¹³⁰ Впрочем, уже в 1912 г. вышел очерк, подписанный неким “А.П.”: А.П. Василий Осипович Ключевский: Очерк характеристики личности и мировоззрения почившего историка. М., 1912. Очерк, так же как и опубликованная через десять лет статья А.Е. Преснякова, содержал обзор посмертных публикаций об ученом. Изложение “А.П.”, правда, носило скорее описательный, нежели аналитический характер, однако сходство в выборе некоторых сюжетов и цитировании литературы позволяют предположить, в качестве одной из версий, авторство А.Е. Преснякова.
- ¹³¹ См.: Богословский М.М. В.О. Ключевский как ученый // В.О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 35; Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921). С. 204.
- ¹³² Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921). С. 204, 210.
- ¹³³ Там же. С. 205–209.
- ¹³⁴ Там же. С. 205.
- ¹³⁵ Там же. С. 213.
- ¹³⁶ Там же. С. 211–214.
- ¹³⁷ Там же. С. 214.
- ¹³⁸ Там же. С. 215–216.
- ¹³⁹ Там же. С. 218–219.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 219.
- ¹⁴¹ Пресняков А.Е. [Рец.:] Вестник социалистической академии. 1922. № 1–3 // Анналы. 1923. С. 279–281.
- ¹⁴² Там же. С. 281.
- ¹⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1. Л. 49. А.Е. Пресняков – матери, 12 мая 1892 г.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 54. Пресняков – матери, 16 мая 1892 г.

¹⁴⁵ Там же. Л. 57. А.Е. Пресняков – матери, 19 мая 1892 г.

¹⁴⁶ Там же. Д. 2. Л. 140. А.Е. Пресняков – матери, 25 янв. 1895 г. Ср.: Макушин А.В., Трибунский П.А. Указ. соч. С. 57.

¹⁴⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 165. А.Е. Пресняков – матери, 10 марта 1895 г.

¹⁴⁸ Там же. Д. 3. Л. 184. А.Е. Пресняков – матери, 1 февр. 1898 г.

¹⁴⁹ См., например, учебники по историографии: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.И. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971; Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917. М., 1993 и др.

Я.Г. Солодкин

“ИСТОРИЯ” АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА И ЕЕ АВТОР В ОЦЕНКАХ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

К числу классических памятников русской средневековой публицистики единодушно причисляется “История вкратце” троцкого келаря Авраамия Палицына.

Общественно-политические взгляды и исторические представления “старца Авраамея” неоднократно привлекали внимание В.О. Ключевского. Цитату из палицынской “книги”, впрочем, без упоминания о знаменитом “писателе”, встречаем уже в первом лекционном курсе ученого, посвященном Московскому государству¹.

В речи на юбилее Общества истории и древностей российских при Московском университете (1904) Ключевский назвал автора “Истории” человеком, воспитанным не Смутой, а представителем “старого поколения”, в воспоминаниях и размышлениях которого “чувствуется умственный подъем времен митрополита Макария и лучших лет Грозного”².

“Хороший монастырский хозяин”, отнюдь не понаслышке знавший об экономическом “положении отечества”³, Палицын в период тушинской осады Москвы по просьбе царя и патриарха “выбросил на рынок” голодающей столицы небольшие запасы ржи⁴. Об этом было известно от самого келаря. По словам Ключевского, призывные грамоты Дионисия Зобниновского и Авраамия “подняли нижегородцев под руководством их старосты мясника Кузьмы Минина”. Во Втором ополчении только Палицын и Минин “сделали крупные дела”, в частности, “старец Авраамей” “по просьбе кн. Пожарского в решительную минуту (сражения с отрядами гетмана К. Ходкевича 24 августа